

“Я НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАЮ ДОБРО!”

Жизнь замечательных людей простым смертным всегда интересна: приятно из собственных серых будней хоть ненадолго нырнуть в звездный мир. А еще приятнее удостовериться, что они, знаменитости, совсем как мы, сомневаются, переживают, любят. В этом смысле книга кинорежиссера Андрея Кончаловского “Низкие истины”, выпущенная издательством “Совершенно секретно” и представленная журналистам в ресторане “Планета Голливуд”, для многих — подарок. Потому что речь в ней идет о том, что “за кадром”.

— Андрей Сергеевич, а как родилась книга?
— Пожив в Америке, вернулся сюда, встретился с моим другом Аликом Липковым, которому одной книгой уже обязан. Понял, что собралось много впечатлений от прожитой жизни, захотелось о них рассказать. Я режиссер, а не писатель, но, надеюсь, человек думающий. И решил разобраться с разными уровнями своего существования. В детстве живешь, как молодое животное, потом сталкиваешься с понятиями “можно — нельзя”, понимаешь, что иногда приходится обманывать, а когда ты взрослый, врать уже ничего не стоит. Да правду и нежелательно говорить: мы любим слушать, какие мы хорошие.

Пушкиным справедливо сказано: “Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман”. Но “возвышающий обман” я отложил на потом, а пока написал книгу “Низкие истины”. Тут отношения и с родителями, и с друзьями, и с женщинами, которыми увлекался, и с властью, которой русский человек всегда боится и радостно улыбается при виде начальника, и с Богом. Думаю, люди различаются не по национальности или религиозной принадлежности, а по системам ценностей, которым привержены. Книга — о моей систе-

ме ценностей, о разных уровнях взаимоотношений с собой и окружающим миром. “Раздеваться догола” в ней не стал: это граничило бы с психической неполноценностью. Так что до неприличия себя не раскрыл.

Может, в моем рассказе читатели в чем-то узнают себя, свои страхи, зависти, рабские черты. Хотя до конца никто себя не знает. Мне повезло: еще не попадал в ситуацию, когда к виску приставляют автомат Калашникова, а то, возможно, убедился бы, какой я непорядочный человек.

— И все же “возвышающего обмана” не избежали?

— Доля “возвышающего обмана” есть во всем. Мы, например, забываем о неприятных и нелестных для нас вещах. Тут Володя Ашкенази рассказал о разговоре, который случился у нас при поступлении в консерваторию. Тогда были произнесены слова, что обязательно надо вступать в партию, иначе карьеру не сделаешь. Но я этого абсолютно не помню — и не думал, что был таким убежденным карьеристом году в пятьдесят третьем — пятьдесят пятом. Хотя, может, я не смелый человек. Смелый — это тот, кто боится, но умеет побороть страх, а я так не могу.

— Обычно режиссеры берутся за книги, когда исчерпали себя в профессии?

— Почему же? Бергман написал пятнадцать книг, Питер Брук четыре — и великие. Пишешь, потому что хочешь поделиться с другими.

— Вам не кажется, что литература сейчас утратила духовную власть над людьми?

— И Льва Толстого при жизни читало не так уж много народа. Хотя на улицах узнавали, несмотря на отсутствие телевидения, можно сказать, он был первой в России “поп-звездой”. Раньше можно было читать то, что печатали, а сейчас печатают то, что читаемо. Есть выбор, а если кто-то Толстому предпочитает детектив, так вкусы у людей всегда были разные.

— Как книгу оценили ваши близкие?

— Отцу очень понравилось, но то, что написано о нем, он ругал — за то, что я многое поднабрал, перепутал. Никите дал прочитать только главу о нем самом: он человек с темпераментом, мало ли... Вообще с критикой у меня очень сложные взаимоотношения: я не люблю ее, она — меня. Даже посвятил ей главу “О пользе интеллектуального онанизма”. Я не хотел в книге никого обидеть, не раскрывал государственных секретов — я же не доктор Зорге. Книга сама “выруливала”. Я не хожу к психоаналитикам и не лежу у них на кушетках, не занимаюсь научным психоанализом. Но рассказ о себе очень освобождает.

— Не хотите окончательно уйти в писатели?

— Ну какой же я писатель? Я не отношусь к людям, которые не могут не писать, не беседовать с бумагой. У меня не писательство, а записки на полях моей жизни, которые помогают найти и понять себя. А когда себя понимаешь по-настоящему, всего можно достичь.

— Ваша главная удача в кинематографе?

— Думаю, фильм “Курочка Ряба”. Он — о самых главных для меня вещах, во всяком случае, на том этапе жизни. Он самый свободный и искренний.

— Нет ощущения, что картины ваши и Никиты Михалкова полемизируют друг с другом?

— Мне кажется, у брата в картинах есть определенного рода ответ на то, что делаю я. Мы разные: он лирик, а я в определенном смысле циник. И его “Родня” явно полемизирует с “Асей Клячиной”, “Несколько дней из жизни Обломова” — с “Дворянским гнездом”, его Чехов — с моим, причем очень успешно: “Неоконченная пьеса для механического пианино” — может быть, лучший фильм по Чехову.

— Говорят, Березовский обещал вашему брату поддержку на будущих президентских выборах?

— Я об этом слышал, но это дело Никиты.

Я в политике ничего не понимаю, и мне туда соваться не надо: люблю свободу.

— Ваши планы?

— Собираюсь перенести в Россию свою парижскую постановку “Чайки”, поставить “На дне”. А кино в России пока снимать не собираюсь: картины, которые хочу сделать, требуют много денег. Возможно, с приходом Никиты в Союз кинематографистов начнется некоторая активизация деятельности. Ситуация очень простая. Никаких денег государство на кино давать больше не будет. Рассчитывать на банки несерьезно: здесь все завязано на личных знакомствах. Значит, выход один — наше кино должно приносить прибыль.

Прежний Союз кинематографистов в революционном раже разрушил существующую систему проката. И сейчас ежегодно порядка двухсот пятидесяти миллионов долларов уходит в карманы “хозяев”, которые при этом говорят, что кино в России не снимают. Нужна федеральная система проката, нужно создать мощную акционерную компанию, может, вместе с американцами — и тогда прибыль пойдет не жуликам, а на развитие кино.

— Вы добрый человек?

— Я не удивляюсь обману, воровству и прочим проявлениям человеческого несовершенства, но поражаюсь анонимной доброте. Никогда не забываю добро и в принципе забываю зло. И согласен со словами Ницше: “Легко наслаждаться добром”.

— Как относитесь к моде?

— Серег не ношу, татуировок нет, прическа нормальная, так что не знаю, насколько я моден. Но считаю себя человеком определенного стиля. Мода меняется, а стиль можно не менять: это сам человек.

— Самое экстравагантное объяснение в любви в вашей жизни?

— Наверное, такие были, но происходили в состоянии, когда ничего не помнишь. В книге я описал тот этап моей жизни, который связан был в основном с самыми известными женщинами. Но там нет ничего в стиле “мой сексуальный опыт с...”. Это, скорее, мои увлечения замечательными женщинами, которых знает весь мир, а мне их довелось знать чуть больше, чем другим. Ширли Мак-Лейн я в кино не снимал, но я с ней жил, и поэтому мне она открылась иначе, чем тем, кто видел ее лишь в фильмах.

Но в России женщин, к сожалению, не уважают, как, впрочем, и никого. У нас уважение подразумевает страх, а на самом деле это признание за другим права на самостоятельное существование. Россия — страна Домостроя, вот и женщины у нас чаще не любят, а жалуют. Я в определенный период жизни по отношению к женщинам вел себя исключительно хамски, бесчеловечно, а меня все равно любили. Только последние десять лет начал понимать, что был не прав и многое, наверное, потерял из-за этого. Любовь — это не свобода, а труд. И она требует жертв.

Татьяна Исканцева.

На снимке: Андрей Кончаловский и Василий Ливанов.